

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Переселенцы. Гл. X, XI, XII.
 Л. Ловягина. — II. Въ мірѣ искусствъ. Гл. IV, V,
 VI, VII. С. Лаврентьева. — III. Береза. (Стих.).
 С. Лаврентьева. — IV. Пріатели. Н. Кувшинниковъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ Нирица).

X.

Лишенія.

ИЛИЩЕ Эриха было построено вблизи свѣтлаго источника. Жатва собрана въ житницу, хотя и не вполне столько сколько ожидали, по милости птицъ и обезьянъ; приближалась зима, временами выпадалъ снѣгъ, надобно было заготовлять топливо, для этого

рубили засохнувшія деревья. Въ лѣсу ночами слышался вой волковъ и ревъ другихъ хищныхъ животныхъ. Обезьяны и многія породы птицъ перебрались южнѣе. Чтобы придать болѣе пріятный видъ жилищу, — Эрихъ обшилъ его досками. Все это стоило большихъ трудовъ, и онъ, усталый, измученный, не разъ вспоминалъ о теплой, уютной мастерской своей комнатѣ, и только скрывалъ отъ жены свое сожалѣніе о жизни на родинѣ, она и такъ жаловалась мнѣ, что многого не достаетъ въ хозяйствѣ, нѣтъ ни катка для бѣлья, ни курятника. И она права. Въ ту минуту какъ Эрихъ говорилъ такъ по душѣ съ Хехтомъ, подошла къ нему жена съ листомъ бумаги въ рукахъ и сказала.

— Ты кажется ѣдешь завтра въ городъ, Эрихъ, — вотъ тебѣ записка, что купить для дома.

Бросивши взглядъ на реестръ, Эрихъ испугался длинѣ его.

— Да вотъ еще что, продолжала Маріана, нельзя-ли которому нибудь изъ васъ проводить Альберта къ Шварцу за молокомъ, — теперь поздно, я боюсь отпустить его одного — и волки что-то сильно воютъ въ лѣсу.

— Нельзя ли обойтись сегодня безъ молока, сказалъ Эрихъ, — мы такъ замучились на работѣ, — хорошо бы отдохнуть.

— Можно, отвѣчала Маріана, въ такомъ случаѣ поужинайте хлѣбомъ съ водой, а завтра напъетесь чернаго кофею.

Хехтъ предложилъ проводить мальчика.

Когда Хехтъ удалился, Маріана сѣла въ сѣняхъ подлѣ мужа и съ досадою сказала: — твой Хехтъ цѣлые дни торчитъ какъ бѣльмо на глазу, намъ неудается словечко сказать другъ другу. Онъ хорошій человекъ, но вѣдь это надоѣдаетъ. А игра его на скрипкѣ — не дай Богъ! напоминаетъ мнѣ утрату нашей Матильды. Другое дѣло на нашей родинѣ, тамъ у него была своя комната, гдѣ онъ дѣлалъ, что хотѣлъ.

— Милая Маріана, сказалъ Эрихъ, безъ Хехта намъ было бы здѣсь и грустнѣе и хуже.

— Конечно, отвѣчала жена, но не вини и меня, что мнѣ хочется иногда поговорить и посидѣть съ тобой наединѣ. Здѣсь я лишена всего—только и отрады, что дѣти да ты.

Въ эту минуту подошли къ нимъ Хехтъ съ Альбертомъ. Лица ихъ сіяли.

— Радостное извѣстіе! вскричали они весело.

— Какое? какое? нетерпѣливо спросили Эрихъ и Маріана.

— Извѣстіе съ родины! воскликнулъ Хехтъ и поднялъ высоко листокъ сѣрой бумаги. Сосѣдъ Шварцъ одолжилъ. Это былъ листокъ нѣмецкой газеты.

Газета была торжественно развернута и разложена на скамейкѣ.

Дѣти съ радостнымъ крикомъ прибѣжали изъ комнаты—и всѣ стѣснились кругомъ газеты.

Голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, Эрихъ сталъ читать ее.

Лейпцигская газета—вторникъ, такого-то числа.

Водворилось глубокое молчаніе.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

Эрихъ отеръ слезы умиленія. Маріана зарыдала, когда Эрихъ сталъ читать извѣстіе изъ милаго роднаго городка.

Въ газетѣ сказано было, что 31 октября праздновалось столѣтіе тамошней церкви. Описывалось длинное торжественное шествіе жителей отъ ратуши въ церковь.

Впереди шли, увѣнчанные цвѣтами, юноши, дѣвушки и дѣти разныхъ учебныхъ заведеній, не только городскихъ, но и изъ близъ лежащихъ селеній.

Среди двухъ, самыхъ старѣйшихъ изъ жителей, шель правнукъ строителя церкви, приглашенный для торжества изъ отдаленнаго мѣста. Внутренность и наружность храма были украшены цвѣтами и вѣнками. Колонны зеленѣли выющими растеніями. Болѣе двухъ тысячъ народа окружали и наполняли храмъ,—все это слилось въ пѣніи трогательнаго гимна благодаренія Всевышнему.

Богослуженіе заключилось прекрасною рѣчью пастора и величественной духовной музыкой. Дѣтямъ розданы были, въ память праздника, медали. Вечеромъ церковь была блестящимъ образомъ иллюминирована, юношеству данъ былъ балъ.

Тутъ чтеніе было прервано восторженными восклицаніями дѣтей, и сожалѣніями, что они не были участниками этого прелестнаго торжества.

Маріана бросила на мужа взоръ полный укоризны. Эрихъ опустилъ глаза на газету. Хехтъ поправилъ горящую лучину.

Альберту поручили переписать газету отъ строки до строки и потомъ возвратить сосѣду.

Такъ могущественна тайная сила, связующая насъ съ родиной. Наступило Рождество—гдѣ пылающія восковыя свѣчи, гдѣ бисквитные пироги, пряники, золотые орѣхи, румяныя яблоки, пестрыя игрушки? гдѣ радостные подарки? гдѣ общая молитва въ церкви.

Нѣтъ этого ничего.

Чтобы хотя немного потѣшить дѣтей, за всѣ ихъ лишенія, мать напекла имъ блиновъ, и для всѣхъ сдѣлала пуншъ изъ теплой воды съ сахаромъ и ромомъ.

XI.

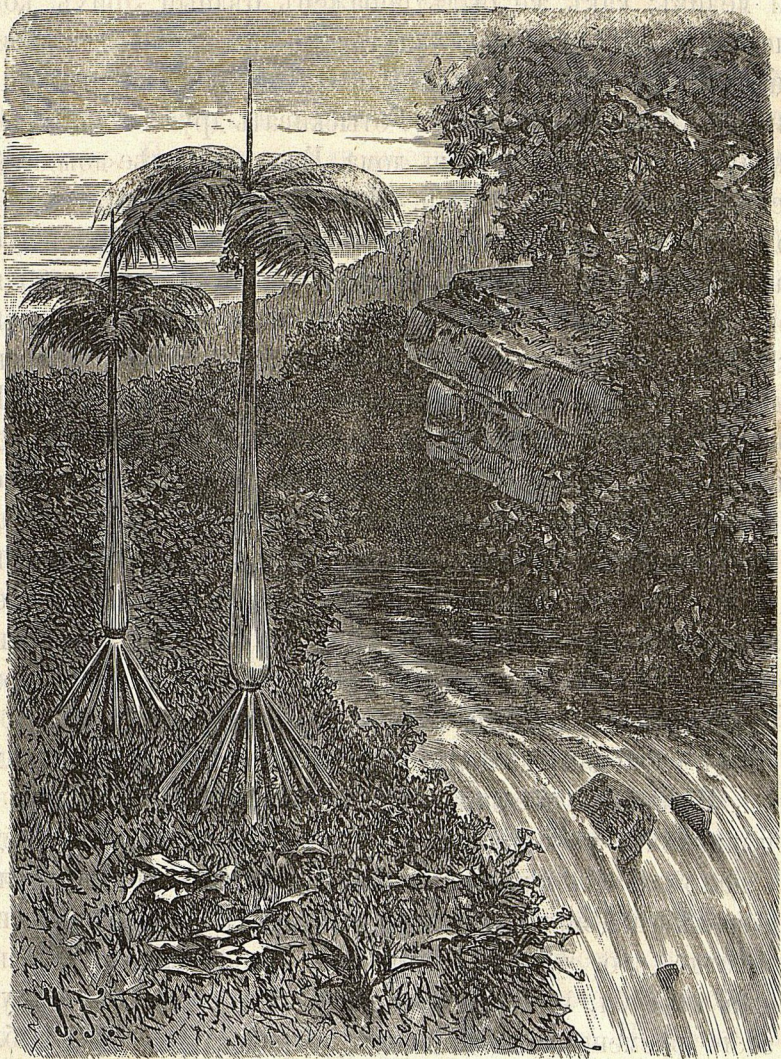
Домашняя нужда.

Наступала весна. Маріана жаловалась на нездоровье. Ее мучила лихорадка. Вскорѣ она слегла въ постель, никакія домашнія средства непомогали. Встревоженный Эрихъ не отходилъ отъ постели жены, находившейся въ сильномъ жару.

Доктора поблизости не было, Эрихъ не зналъ что и дѣлать.

Жена Шварца, навѣщавшая ихъ, сказала, что въ двухъ часахъ разстоянія отъ нихъ есть докторъ, а знающій ли онъ—неизвѣстно.

Выбора не предстояло: ближайшій былъ и лучшій. Эрихъ самъ отправился за нимъ. Дорога шла лѣсомъ и была мало извѣстна, но это не остановило его, и онъ отправился. Мерт-

вая тишина царствовала въ глубинѣ этого едва проходимаго густаго лѣса. Изрѣдка вспархивала птица, робко пробѣгала звѣрь, или доносился вой волка. Ни одинъ человѣкъ не встрѣтился ему по этому глухому пути. Эрихъ, не думая о

своей безопасности, торопливо шелъ впередъ, думая о женѣ, — и только черезъ шесть часовъ, едва переводя духъ отъ усталости, дошелъ до мѣстечка Филипсталь, гдѣ жилъ означенный медикъ: какъ же былъ пораженъ бѣдный Эрихъ, когда отыскавши домъ доктора, узналъ, что онъ навѣщаетъ своихъ паціентовъ въ окрестности и возвратится только на слѣдующій день. Что было дѣлать Эриху? отыскивать другаго доктора? — пожалуй и того не застанешь дома. Благоразумнѣе дождаться. Часы казались ему годами. Докторъ возвратился къ вечеру, — Эрихъ, не давши ему снять пальто, сталъ просить его ѣхать къ больной. Докторъ рѣшительно отказался, и только распросивши его о болѣзни жены, далъ нѣсколько крупинокъ лекарства, онъ былъ гомеопатъ, съ этимъ Эрихъ и поспѣшилъ обратно, — несмотря на наступившую ночь. Гомеопатическія крупинки приводили Эриха въ смущеніе, онъ помнилъ, что ему давали въ лекарствѣ хину, ставили горчишники и піявки — а крупинки и только, Эрихъ качалъ грустно головою. Новый способъ леченія былъ ему непонятенъ. Раздумывая обо всемъ этомъ, Эрихъ не утомимо шелъ едва проходимымъ лѣсомъ. Однѣ яркія звѣзды, сверкавшія на безоблачномъ небѣ, освѣщали ему пустынный путь, и онъ, не замѣчая какъ, достигъ своего жилища.

Жену свою онъ нашелъ безъ памяти, подлѣ нея находились Шварцы, гомеопатія не помогала ей, — прибѣгли къ горчишникамъ, къ припаркамъ изъ льнянаго сѣмени, — сдѣлали надрѣзы обломкомъ стекла — и пустили кровь; горчишники сильно подѣйствовали. Эти ли средства, гомеопатія ли — неизвѣстно что, только лихорадка уменьшилась, больная пришла въ себя, выступилъ потъ и она спокойна заснула. Съ этого времени больная стала поправляться. Эрихъ благодарилъ доктора, но больше всего Бога — за спасеніе своей доброй Маріаны.

XII.

Новое горе.

Весна вездѣ прекрасна. Теплый, благотворный вѣтеръ вѣялъ надъ лѣсомъ и полями,—поглощая остатки снѣга по ложбинамъ. Посѣвы давали ростки,—какъ бы волшебствомъ возникали кустарныя растенія. Листы и цвѣты развертывались, лѣсъ оживился стаями прилетѣвшихъ птицъ. Попугаи съ крикомъ качались на гибкихъ вѣткахъ, бѣлки, распушивъ хвосты, носились по деревьямъ, обезьяны охотились за дичью; блестящіе фазаны гордо прогуливались кругомъ кустарниковъ, индѣйскіе пѣтухи распускали свои хвосты, раздались голоса пѣвчихъ птичекъ. Люди точно вновь народились,—тягости зимы, заботы о пропитаніи какъ бы не бывало.

Наступало лѣто—тепло—надежды, Маріана не сердилась болѣе на Хехта за его игру на скрипкѣ, дѣти радовались его музыкѣ. Эрихъ пересталъ тосковать о родинѣ. Всѣ высыпали въ поле съ топорами, заступами, граблями. Жизнь дѣятельная кипѣла повсюду. Дѣти отдѣлили себѣ небольшія мѣстечки, чтобы устроить свои собственные садики. Альбертъ натаскалъ кольевъ, хвороста и огораживалъ свои плантаціи. Хехтъ помогалъ дѣтямъ словомъ и дѣломъ. Какъ только молодая травка покрыла землю, Маріана стала просить мужа завести коровъ. Эрихъ согласился и только просилъ обождать до ближайшей ярмарки. Когда ярмарка открылась, Эрихъ вмѣстѣ съ Хехтомъ и Шварцемъ, знатокомъ въ скотѣ,—стали собираться въ путь. Альбертъ упросилъ отца взять и его съ собою. Старшіе мальчики Шварца также приняли участіе въ походѣ.

Какъ только занялась утренняя заря, путешественники вышли изъ дома.

— Принесите гостинца, крикнули въ слѣдъ братьямъ дѣвочки!

— Счастливаго пути! сказала Маріана, обратите вниманіе на молоко. Будетъ молочная корова, будетъ творогъ и масло. До свиданья! счастливаго пути!

— Мущины шли бодро, мальчики прыгая бѣжали впередъ.

Утро было свѣжее, ясное. Простой завтракъ, который они взяли съ собою, казался имъ вкуснѣе обыкновеннаго.

Весело разговаривая, они и не замѣтили какъ достигли городка, въ которомъ была ярмарка. На торгу находилось множество продавцевъ и покупателей. Переселенцы внимательно пересмотрѣли всѣхъ коровъ и за сходную цѣну купили двухъ прекрасныхъ пестрыхъ коровъ, корзину цыплятъ и пѣтуха. Удачную покупку отпраздновали въ гостинницѣ хорошимъ обѣдомъ, съ кружкою пива и бутылкой вина. Большую бутылку пива взяли съ собою для угощенія домашнихъ. Въ самомъ веселомъ настроеніи духа переселенцы вышли изъ города. По дорогѣ имъ встрѣтился продавецъ козъ. Хехтъ въ этотъ день взялъ отъ скорняка свою медвѣжью шкуру и несъ ее домой. Увидавши козъ, онъ остановился и сказалъ.

— А вѣдь козье-то молоко и сыръ тоже не дурны. Я не пожалѣю моей медвѣжьей шкуры за пару козъ. Надобно же и мнѣ купить что-нибудь для хозяйства. Эрихъ тотчасъ выдалъ Хехту деньги, и пара козъ была куплена. Хехтъ привязалъ ихъ на веревку и повелъ за собою. Козы и коровы шли тихо, поэтому путешествіе шло гораздо медленнѣе утренняго. Солнце было уже высоко, когда они приблизились къ дому.

Когда они пришли на то мѣсто, гдѣ дорога расходилась къ жилищамъ Шварца и Эриха, Эрихъ сказалъ: — я думалъ что наши выйдутъ сюда намъ на встрѣчу. Вѣроятно, не зная точно времени нашего возвращенія, они ждутъ насъ близъ дома. Поблагодаривши сосѣда за одолженіе и услугу, они разошлись по своимъ дорогамъ, отъ души пожавши другъ другу руки.

— Погодите, весело сказалъ Эрихъ, какъ только наши лѣнивцы услышатъ мычаніе коровъ, то и выбѣгутъ къ намъ на встрѣчу.

Коровы точно поняли эти слова и по мѣрѣ приближенія къ дому все больше и больше мычали. Но никто не показывался.

— Вѣроятно наши работаютъ въ полѣ, началъ Эрихъ и не слышатъ нашего приближенія. Стоитъ подразнить ихъ за это—поставить скотину въ стойло и сказать, что не купили.

— Я побѣгу впередъ, сказалъ Альбертъ, посмотрю, куда это они позапрятались. Мигомъ добѣгу до дома, — и побѣжалъ.

Кругомъ царствовала тишина. Она наводила страхъ на Эриха. Молча, задумавшись, онъ гналъ своихъ животныхъ.

— Не знаю, что и думать—куда всѣ подѣвались, сказалъ онъ, не случилось ли несчастія?

Хехтъ только что собрался развлечь своего друга, какъ Эрихъ прервалъ его, сказавши: — чувствуешь-ли запахъ гарью? откуда бы ему взяться?

Въ это мгновеніе они увидали бѣгущаго Альберта—онъ былъ блѣденъ и дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Что случилось?—вскричалъ Эрихъ, оставляя коровъ.

Альбертъ не могъ выговорить ни слова, только указывалъ руками по направленію къ дому.

Испуганный Эрихъ оставилъ коровъ и бросился къ дому. Хехтъ привязалъ коровъ и козъ къ дереву и поспѣшилъ за Эрихомъ. Онъ нашелъ его растеряннымъ у дымящихся развалинъ ихъ жилища. Жены и дѣтей не было и слѣда. Видно было, что все давно погорѣло. Эрихъ пришелъ въ отчаяніе—отвергалъ всѣ утѣшенія, и не хотѣлъ ничего знать кромѣ Бога и оставшагося сына.

Между тѣмъ Хехтъ, не совсѣмъ еще потерявши присутствіе духа, обыскивалъ погорѣлое мѣсто—онъ не нашелъ тамъ ни остатка вещей, ни погорѣвшихъ людей и сообщилъ это Эриху.

— Изъ этого ясно, говорилъ онъ, что семья твоя уцѣлѣла,—всего вѣрнѣе они перебрались къ Шварцу. О домѣ и житницѣ жалѣть нечего—мигомъ поставимъ новые. Деревя хватить вдоволь.

Эрихъ ободрился и все отправилъ къ Шварцу. Альбертъ, заливаясь слезами, шелъ за отцомъ и Эрихомъ. На полдорогѣ имъ встрѣтился Шварцъ, онъ торопливо шелъ имъ на встрѣчу и въ одно слово съ Эрихомъ вскрикнулъ:

— Не у васъ ли жена и дѣти?

Тутъ они узнали свои общія утраты и едва устояли на ногахъ. Потомъ, обнявши другъ друга, залились слезами.

— Боже великій, какое несчастье! какъ это случилось?

Домъ Шварца былъ сожженъ и разоренъ такъ же какъ и у Эриха—и скотина угнана. Все поспѣшили къ Шварцу.

На погорѣломъ мѣстѣ жилища Шварца было тоже опустошеніе, что и у Эриха. Въ нѣкоторомъ отдаленіи Хехтъ увидалъ убитого слугу Шварца. Съ головы его какъ по линейкѣ была содрана кожа.

— Добрый, честный слуга, ты погибъ за свою преданность!

Это краснокожіе напали на наши жилища—и увели нашихъ женъ и дѣтей. Съ мужчинъ обыкновенно они сдираютъ кожу съ головы, но дѣтей и женщинъ не трогаютъ. Вѣроятно они забрали ихъ и увели къ себѣ.

— Это ужасно! горько сказалъ Эрихъ.

— Я думаю, замѣтилъ Хехтъ, они возвратятъ плѣнныхъ за хорошій выкупъ.

— Наврядъ, возразилъ Шварцъ. Краснокожіе не охотно отдадутъ свою добычу.

— Ну такъ насильно возьмемъ — вырвемъ, вспыльчиво вскрикнулъ Эрихъ. Правительство дастъ войско.

— Въ свободной Америкѣ войска держатъ немного, только для охраны границъ. Земство дастъ намъ помощь противъ дикарей изъ своей милиціи.

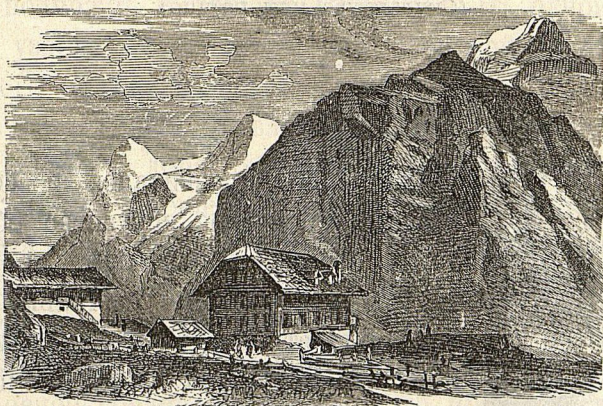
— Правительство должно насъ защищать, повторилъ горько Эрихъ.

Всѣ ждали нетерпѣливо утра, чтобы отправиться въ городъ.

Переселенцы провели ночь на развалинахъ своего жилища, сокрушаясь объ утраченныхъ своихъ семействахъ, и только къ утру отдохнули немного.

Д. Ловягина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ МИРѢ ИСКУССТВЪ.

(Скульптура или ваяніе).

IV.

ОСТЕПЕННО развиваясь и совершенствуясь, греческое искусство образовало двухъ великихъ ваятелей, произведенія которыхъ превосшли не только всѣхъ до нихъ существовавшихъ художниковъ, но и въ послѣдующія времена не имѣли себѣ подобныхъ. То были Фидій и Пракситель, о которыхъ мы и поговоримъ теперь подробнѣй.

Фидій, аѳинянинъ, родился около начала пятого вѣка до Р. Х. Въ началѣ онъ былъ живописцемъ, а потомъ уже занялся ваяніемъ и первымъ его учителемъ былъ аѳинянинъ Гегадъ. Самое цвѣтущее развитіе его таланта принадлежитъ царствованію Перикла, вѣкъ котораго былъ самымъ блестящимъ вѣкомъ греческаго искусства. По планамъ Фидія и подъ его руководствомъ воздвигались самыя великолѣпныя постройки въ Аѳинахъ. Всѣ его произведенія отличаются замѣчательнымъ выраженіемъ, глубиной мысли, благородства и полнѣйшей гармоніи. Онъ былъ преимущественно ваятелемъ боговъ, и никто, кромѣ его, не могъ вдохнуть въ ихъ

изображенія столько высокой, торжественной красоты и истинно неземнаго величія. Въ своихъ работахъ онъ часто соединялъ разнородные цѣнные матерьялы; всего чаще слоновую кость и золото: первую употребляя для тѣла фигуръ, а второе — для волосъ и одежды. Впрочемъ онъ фигуры производилъ тоже изъ бронзы и мрамора.

Знаменитѣйшимъ созданіемъ Фидія была златокостяная статуя Юпитера или Зевса; въ праздничномъ храмѣ этого бога, въ Олимпіи, царь боговъ представленъ былъ сидящимъ на тронѣ. Фигура Юпитера имѣла 40 футовъ высоты и помѣщалась на подножіи, имѣвшемъ 12 футовъ. Въ одной рукѣ богъ держалъ узорчатый скипетръ изъ слоновой кости и золота, золотая его одежда украшалась роскошными цвѣтами. Тронъ блисталъ богатѣйшей отдѣлкой изъ золота, слоновой кости, чернаго дерева и дорогихъ камней, въ видѣ статуй и рельефовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ живописи. Стѣнки, поставленныя между ножекъ и ручекъ трона, расписывалъ двоюродный братъ Фидія—Панень; скамья, на которой покоились ноги бога, и подножіе, которымъ все это поддерживалось, также были украшены разнообразною скульптурною работою. Чудесное соединеніе всего этого производило на зрителей потрясающее впечатлѣніе. Въ кумирѣ представлялся имъ самъ богъ; взгляды на него утѣшались и успокаивались скорбныхъ; кто умиралъ не видавъ его, того считали недостойнымъ блаженства. Юпитеръ Олимпійскій былъ оконченъ въ 433 г. На другой годъ Фидій умеръ въ Аѣинахъ, въ тюрьмѣ, куда его запрятали по зависти и враждѣ.

До нашихъ временъ не сохранилось ни одной работы, которую бы доподлинно можно было назвать настоящимъ произведеніемъ Фидія. И не мудрено: великіе скульпторы древности не имѣли привычки вырѣзывать своего имени на своихъ произведеніяхъ. Не зараженные жаждой славы и тщеславія, они не думали о томъ, чтобы передать потомству свое имя, они творили подъ вдохновеніемъ своего генія, творили потому, что искусство было ихъ жизнь, ихъ отрада и

наслажденіе; потому-то ихъ произведенія и проникнуты тѣмъ неподдѣльнымъ, неподкупнымъ чувствомъ, которое ихъ одушевляло и которое передавалось и чувству восхищавшагося ими зрителя.

V.

Въ половинѣ четвертаго столѣтія до Р. Х. образовалась въ Аѣинахъ новая скульптурная школа. Остановливаясь преимущественно на ваяніи божественныхъ существъ, она начала заниматься содержаніями и изъ жизни частныхъ людей, въ различные моменты ихъ удовольствій и забавъ. Матерьяломъ для этого служилъ почти исключительно мраморъ.

Первый великій мастеръ этой школы былъ Скопасъ, съ острова Пароса, изобиловавшаго лучшимъ мраморомъ, изъ котораго любили работать древніе греческіе мастера. Изъ его уцѣлѣвшихъ работъ указываютъ на нѣкоторыя въ Ватиканѣ и Луврѣ. На счетъ же знаменитой группы дѣтей Ніобеи, находившейся въ храмѣ Аполлона въ Римѣ, сомнѣваются работы ли она Скопаса или Праксителя.

Пракситель—лучшій мастеръ новой аѣинской школы. Онъ былъ творцомъ тѣхъ граціозныхъ, полныхъ цвѣтущей жизни образовъ, которые мы встрѣчаемъ затѣмъ въ греческой скульптурѣ. Вдохновенная, благородная, до строгости, красота боговъ Фидія замѣнилась у Праксителя неподражаемой живой прелестью, оживлявшей мраморъ до того, что вамъ чудилось видѣть влажность глазъ и разцвѣтающую улыбку; — Пракситель умѣлъ даже придать мягкость тѣла холодному мрамору. Изъ его произведеній особенно славилась Венера или Афродита въ Книдѣ и нѣсколько статуй Эрота—въ Паріонѣ и Теспіи. Нѣсколько воспроизведеній его статуй находятся въ Ватиканѣ и въ Неаполитанскомъ музеѣ. Кромѣ работъ изъ мрамора, у него были и бронзовыя.

Упомянемъ еще объ одномъ замѣчательномъ мастерѣ этой школы—Лисиппѣ, лучшая пора котораго принадле-

жить эпохъ царствованія Александра Великаго. Подобно древнимъ мастерамъ, онъ ваялъ только изъ бронзы и отличался тою же строгостью стили. Къ самымъ знаменитымъ изъ его произведеній принадлежитъ атлетъ Апоксіомень, недавно открытая статуя, находящаяся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ. Сверхъ того Лисиппъ отличался портретными изваяніями. Особенно славились его, портреты Александра Великаго, который никому, кромѣ его не давалъ снимать себя.

Вліяніе Лисиппа перешло и на послѣдующихъ мастеровъ третьяго вѣка. Изъ этого времени надобно упомянуть о родосской школѣ, изъ нея вышла знаменитая группа, такъ называемаго, фарнезскаго быка, находящаяся теперь въ Неаполитанскомъ музеѣ, работы Аполлонія и Таврика. Она представляетъ Амфіона и Зиѳа, привязывающихъ къ рогамъ дикаго быка обидчицу ихъ матери, злую Дирке. Это произведеніе поражаетъ смѣлымъ, мощно выраженнымъ содержаніемъ.

Потомъ выступаетъ школа пергамская, оставившая превосходное изображеніе смертельно раненаго Галла, упавшаго на свой щитъ, извѣстнаго подъ названіемъ „умирающій гладіаторъ“, находящееся въ Капитолійскомъ музеѣ.

VI.

До временъ покоренія Греціи римлянами, римское искусство было подъ вліяніемъ древняго этрускаго.

Въ самомъ большемъ почетѣ у этрусковъ было литье изъ бронзы. Бронзовыя статуи наполняли ихъ города; въ одномъ Вольсиніи, когда римляне взяли его приступомъ въ 265 г. до Р. Х., находилось до двухъ тысячъ статуй. Изъ работъ этого времени замѣчательны: волчица, находящаяся теперь въ Капитолійскомъ музеѣ, въ Римѣ и Химера—во Флорентійскомъ. Въ формахъ ихъ видно еще что-то робкое и вмѣстѣ грубоватое.

Послѣ покоренія Греціи римлянами, римское искусство покорилося вліянію греческому; подъ впечатлѣніемъ превос-

ходныхъ образцовъ греческаго искусства, въ римлянахъ развилась такая страсть художественной обстановки жизни, какая до того не могла выработаться и вѣками. Римъ сдѣлался мѣстомъ, куда спѣшили художники всего свѣта, зная что тамъ они найдутъ себѣ дѣло. Туда привозили громадный запасъ самаго лучшаго мрамора для работъ и предъ образцами греческихъ произведеній, творившихся знаменитыми греческими мастерами, прежніе римляне, торгаши и прозаики превратились въ страстныхъ любителей изящныхъ искусствъ и покровителей талантовъ.

Самое блестящее время для греческихъ мастеровъ подъ римскимъ покровительствомъ было при Помпее, Юліи Цезарѣ и Августѣ. Въ ихъ произведеніяхъ видна уже вполне выработка формъ, выраженіе поэтической красоты силы и смѣлости.

Къ превосходнѣйшимъ работамъ того времени принадлежатъ, такъ называемый, Боргезскій гладіаторъ — въ Парижскомъ музеѣ, судя по надписи—работы Агасія изъ Эфера. Медиційская Венера, въ музеѣ Уффицій, во Флоренціи,—работы афинянина Клеомена. Аполлонъ Бельведерскій, въ Ватиканѣ, въ Римѣ, работы неизвѣстнаго мастера. Группа Лаокоона, въ Ватиканѣ же,—надъ которой трудились разомъ трое родосскихъ мастеровъ: Александръ, Полидоръ, и Аэинодоръ, и многія другія работы.

Подъ вліяніемъ греческихъ мастеровъ, стали вырабатываться и собственно римскіе, обратившіе главное свое искусство на портретныя статуи, въ которыхъ скоро достигли замѣчательнаго совершенства. Кромѣ умѣнья схватить удивительное сходство, они стали отличаться и превосходной выработкой всѣхъ формъ, одѣянія и общимъ характеромъ представляемыхъ фигуръ. Изъ замѣчательныхъ произведеній этого времени можно назвать сидячую статую Агриппины въ Капитолійскомъ музеѣ и, такъ называемую, Пудицію (стыдливость)—въ Ватиканскомъ.

Кромѣ портретныхъ статуй и бюстовъ, вошло въ боль-

шое употребленіе отдѣлывать побѣдные памятники такой скульптурой, которая своимъ содержаніемъ возвѣщала бы объ ихъ цѣли и значеніи. При Помпеѣ мастеромъ такихъ работъ былъ римлянинъ Копоній; онъ изготовилъ, между прочимъ, статуи четырнадцати племенъ, въ память побѣды одержанныхъ надъ ними Помпеемъ.

Тріумфальныя арки тоже любили украшать статуями побѣжденныхъ народовъ или сценами торжественныхъ шествій побѣдителей. Такія изваянія видимъ на аркѣ Тита, на монументахъ Траяна, Константина, Септимія Севера и другихъ. Такими же сценами украшались и гробницы или саркофаги, что видимъ на стѣнахъ колоссальнаго саркофага въ виллѣ Людовика въ Римѣ, украшенныхъ рельефнымъ изображеніемъ битвы, относящейся къ царствованію Александра Севера.

VII.

Первые признаки ваянія христіанской эпохи проявлялись въ разныхъ символахъ. Избѣгая лицеизображеній святыхъ и главное Христа, эти лицеизображенія замѣнялись разными знаками, намекавшими на эти лица, и на разные священныя представленія. Такъ, виноградная лоза, рыба, агнецъ,—были символами Спасителя; корабль означалъ церковь; лира — богослуженіе; пальма — побѣду надъ смертью; крестъ — смерть въ искупленіи и т. д. Множество подобныхъ знаковъ сохранилось и на древне-христіанской утвари, на бронзовыхъ и глиняныхъ лампадахъ и на другихъ вещахъ.

Затѣмъ для изображенія Христа начали употреблять болѣе сложныя, но все же иносказательныя сцены. Его представляли въ видѣ добраго пастыря, оберегающаго и напоющаго свое стадо, или спасающаго заблудшую въ пустынѣ овцу. Далѣе прибѣгли къ пророческимъ его изображеніямъ, начиная съ ветхозавѣтныхъ: представляли Моисея, отверзающаго ударомъ жезла источникъ въ скалѣ, какъ пророчество рожденія Христа, который самъ „источникъ спасенія.“ Страданія Іова пророчествовали о страданіяхъ

Христа. Данииль во рву львиномъ и исторія Іоны—изображали смерть и воскресеніе Христа, а взятіе на небо Ілїи—Его вознесеніе и пр.

Наконецъ появились попытки на изображеніе Христа; въ первой половинѣ третьяго вѣка, императоръ Александръ Северъ приказалъ изваять статую Христа, но вполнѣ, личное изображеніе Спасителя проявилось въ скульптурѣ только тогда, когда христіанская церковь стала господствующей.

Какъ и архитектура, христіанская скульптура перешла стили: сначала романскій, а затѣмъ готическій. Церковныя зданія отдѣлывались великолѣпной рѣзбой, какъ снаружи, такъ и внутри. Бронзовыя двери соборовъ до сихъ поръ остаются предметомъ удивленія. Внутри, особенно у при-алтарныхъ украшеній, къ работамъ изъ бронзы, мѣди, серебра и золота, стали примѣшивать драгоценныя камни. Церковная утварь доходила въ своей роскошной отдѣлкѣ до послѣднихъ границъ. Такъ, рассказывая объ утвари Майнцкаго собора, называютъ огромныя золотыя чаши, въ палецъ толщины, осыпанныя дорогими камнями. Два серебряныя кадила представляли журавлей во весь ростъ, у которыхъ оміамный дымъ выходилъ изъ клюва. У колоссальнаго распятія крестъ сдѣланъ былъ изъ кедра и одѣтъ золотымъ окладомъ; тѣло Христа, болѣе чѣмъ въ естественную величину, все состояло изъ золота съ великолѣпными карбункулами въ глазахъ, величиной съ яичный желтокъ и пр.

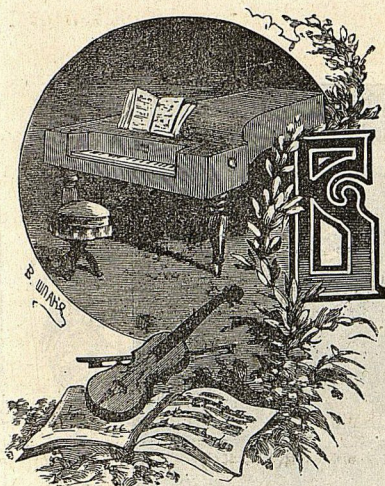
Надобно замѣтить, что бронзолитейныя работы романскаго стиля употреблялись только въ Германіи, во Франціи же онѣ замѣнялись камне-ваятельными, съ фигурами ангеловъ и святыхъ, еще античнаго характера, который довольно грубъ и неуклюжъ.

С. Лаврентьева.

(Продолженіе будетъ).

БЕРЕЗА.

(На Троицу).

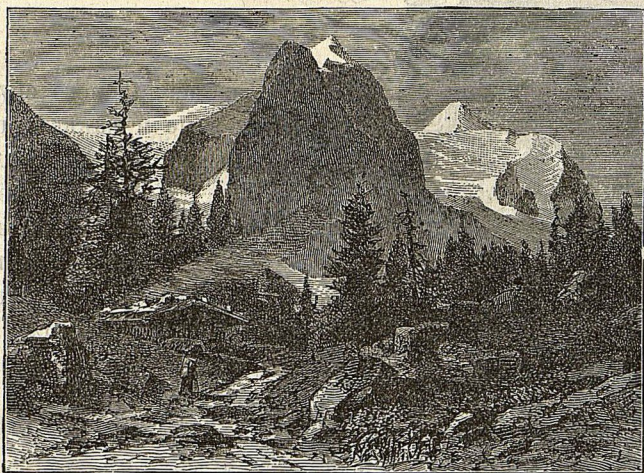

БЕДНАЯ береза, для чего срубили
Тебя люди злые и навѣкъ сгубили?
Ты росла-бъ привольно, средь лѣсовъ
тѣнистыхъ,
Раскидавъ безопасно сводъ вѣтвей ду-
шистыхъ.
Выросла-бъ высоко, и верхушкой гибкой
Заглянула-бъ въ небо, съ радостной
улыбкой;
И качаясь тихо, средь ночи душистой,

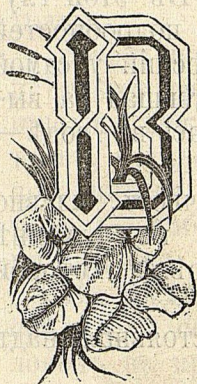
Завела-бъ бесѣду съ звѣздочкой огнистой.
Пташечка-пѣвунья, среди крѣпкихъ вѣтокъ,
Гнѣздышко свила бы для родимыхъ дѣтокъ;
Соловей полночный, надъ подругой милой
Залился бы пѣсней, звонкой и унылой.
Подъ своею тѣнью ты бы приютила
Кустикъ земляники; или-бъ въ зной прикрыла
Алую гвоздику, ладышъ бѣлоснѣжный,
Желтый ноготочикъ, колокольчикъ нѣжный.
А теперь, уныло опустивши вѣтки,
Въ уголку прижавшись, будто птичка въ клѣткѣ,—
Ты стоишь, бѣдняжка, въ каменныхъ хорамахъ,
Грустно вспоминая о лѣсахъ знакомыхъ.

Что же дальше будет? Постоишь дней мало,
Вотъ посмотреть люди: ты ужъ и завяла,—
„Выбросить березу!“ скажутъ равнодушно,
И тебя, бѣдняжку, повлекутъ бездушно.
На дворѣ валяясь будешь ты томиться,
И о смерти скорой станешь лишь молиться;
Вотъ тебя замѣтятъ... На дрова изрубятъ,
Ты сгоришь... Такъ часто все на свѣтѣ губятъ!..

С. Лаврентьева.

ПРИЯТЕЛИ.

В ОДНО прекрасное іюньское утро, сидѣлъ я на берегу широкой, привольной рѣки Донца, предъ раскинутыми вѣромъ удочками и удилъ рыбу.

Многіе, не находя въ рыбной ловлѣ ни удовольствія, ни занимательности, считаютъ это занятіе скучнымъ и бесполезнымъ, кажется, потому, что приходится просидѣть другой разъ цѣлое утро и не поймать ни одной большой рыбы или наловить какихъ-нибудь пискарей.

О! какъ они ошибаются; рыбная ловля даетъ возможность любоваться окружающею природой, и ея жизнью со всѣми мелочами, которыхъ простой наблюдатель и не замѣтитъ.

Ничто, никакая прогулка, никакая экскурсія не сближаетъ человѣка такъ близко съ окружающею природой, не заставляетъ глубоко, душевно понимать и относиться ко всѣмъ явленіямъ ея, какъ рыбная ловля и охота.

Я сидѣлъ на обрывистомъ берегу, поросшемъ мелкой травкою.

Солнце взошло, облило яркимъ свѣтомъ кусты, деревья, высокіе зеленые камыши и заблестѣло миллиономъ золотыхъ искръ въ рѣкѣ и въ росѣ, осыпавшей листья кустовъ, деревьевъ, травку и цвѣты луговъ.

Что за наслажденіе сидѣть передъ широкимъ водянымъ просторомъ, среди высокихъ камышей и корявыхъ густыхъ

кустарниковъ, въ которыхъ слышался неугомонный щебетъ маленькихъ болотныхъ птичекъ!

Сдѣлавъ крутой поворотъ, Донецъ катилъ свои свѣтлыя, глубокія воды по широкому, прямому руслу; мѣстами же суживаясь, забѣгаетъ зигзагами, то направо, то налѣво, то потомъ на широкомъ просторѣ опять катитъ свои воды, среди зеленѣющихъ лѣсовъ, снова дѣлаетъ повороты, и такимъ образомъ образуетъ много заливовъ и рукавовъ, самой разнообразной, красивой формы.

По берегамъ его отгнѣняются высокіе дубовые лѣса и разстилаются заливные луга. Въ тѣни лѣсовъ виднѣются маленькіе хуторки съ ихъ красивыми бѣлыми хатами и вишневыми садами. Передо мной вода виднѣлась на далекомъ пространствѣ и была неподвижна какъ зеркало. Въ этой глубокой, тихой водѣ отражался до мельчайшихъ подробностей дубовый лѣсъ противоположнаго берега, поросшій у самой воды густымъ камышомъ. Какая-то птица, сидѣвшая на высокомъ, сухомъ деревѣ, и та отчетливо виднѣлась въ водѣ — вверхъ ногами.

Небосклонъ со множествомъ бѣлыхъ облачковъ, плавно плывшихъ другъ за другомъ, вырисовывался въ глубинѣ Донца и придавалъ на видъ такую глубину рѣкѣ, которой казалось и конца нѣтъ.

Длинные, тоненькія мои удилица, низко стоявшія надъ водой, казались двойными.

Рыба какъ-то клевала плохо; кой-когда, какой-нибудь поплавокъ пошевелится, потанцуетъ на мѣстѣ и станетъ неподвижно.

Ловилъ я невнимательно, любуясь прелестной картиной развернувшейся предъ моими глазами; ни одинъ человѣческій голосъ не нарушалъ утренней тишины, царившей вокругъ меня.

Такъ какъ день былъ праздничный и утро еще раннее, то рыбаки и косари, которые только и могли нарушить здѣсь тишину пѣсней или бряцаньемъ стальной косы, не выходили еще на дневную работу.

За то птицы и насѣкомыя, у которыхъ праздниковъ не бываетъ, хлопотали и суетились самымъ старательнымъ образомъ.

Ласточки, чирикаая, быстро рѣяли въ воздухѣ, то поднимаясь въ высоту, такъ что ихъ чуть было видно, то спуска-

лись внизъ, проносились быстро надъ самой водой, и, черкая ее крылышками, нарушали тихую поверхность рѣки и какъ бы испугавшись своей неосторожности, то взлетали снова въ высоту, то садились вереницей на сухую вѣточку и, посидѣвъ на ней, сразу, словно по командѣ, снимались и съ шумомъ разлетались въ разныя стороны.

Два коршуна, широко распластавъ крылья, низко летали надъ мелкими кустарниками и зорко высматривали себѣ вкусный завтракъ. Одинъ изъ нихъ быстро, какъ камень, опустился внизъ и, поймавъ маленькую птичку, понесъ ее въ своихъ сильныхъ лапахъ въ густоту лѣса.

Въ травѣ суетились червячки, жучки и муравьи, всѣ куда-то спѣшили, быстро пролѣзая между высокими стебельками травы.

Всюду порхали красивыя бабочки, играя своими разноцвѣтными крылышками на яркихъ лучахъ солнца; пчелы и шмели, жужжа около кой-какихъ цвѣтовъ, росшихъ въ травѣ, садились на нихъ и начинали свою работу; съ одного цвѣтка перелетали на другой до тѣхъ поръ, пока тяжесть набраннаго меда заставляла ихъ летѣть къ своимъ ульямъ.

Въ воздухѣ раздался церковный благовѣстъ. Звонили къ обѣднѣ въ сосѣднемъ селѣ, ясно, мягко, чисто звучалъ колоколь въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ и шелъ внизъ по рѣкѣ, Богъ знаетъ какъ далеко.

Мимо меня, свистя своими крыльями, пронеслись три кряковныя утки и, покрузившись надъ небольшимъ озеромъ, лежавшимъ не вдалекѣ отъ меня, попадали въ него.

Раздавшіеся съ противоположнаго берега звонкіе веселые голоса привлекли мое вниманіе. Одинъ изъ нихъ запѣлъ какую-то веселую пѣсню, но скоро замолкъ. Нигдѣ никого не было видно. Я снова началъ смотрѣть на безпредѣльную прелесть рѣки. На вѣточкѣ ближайшаго вербоваго куста, наклонившейся надъ самой водой, сидѣлъ красивый синенькій звончикъ *) и звонко звенѣлъ своимъ рѣзкимъ голоскомъ, за что вѣроятно и получилъ названіе звончика.

Съ противоположнаго берега снова раздались голоса и плески воды; и изъ-за густыхъ камышей тихо выплыла дол-

*) Звончикомъ, по мѣстному выраженію, называютъ зимородка, маленькую рѣчную птичку.

бленная лодка, называемая душегубкою за свою ужасную шаткость. Въ ней сидѣло два небольшихъ мальчика; отъѣхавъ немного отъ берега, они остановились и, тихо покачиваясь, начали пристально смотрѣть въ мою сторону.

Постоявъ на одномъ мѣстѣ, словно рѣшая куда имъ ѣхать и какъ бы, наконецъ, рѣшивъ, начали усиленно грести двумя веслами, которыя были чуть не вдвое больше ихъ. Лодка рѣзала воду, раскалывала зеркальную поверхность рѣки и быстро плыла по направленію ко мнѣ.

Меня заинтересовали эти мальчики, такъ неожиданно появившіеся и плывшіе въ мою сторону.

Приставъ къ берегу, невдалекѣ отъ меня, они ловко выпрыгнули и, схватившись руками за мокрую веревку, прикрепленную къ носу лодки, начали тащить ее на берегъ. Вытащивъ достаточно и удостовѣрившись, что уйти она не можетъ, они положили около нея свои весла и, тихо съ ноги на ногу, подойдя ко мнѣ, сѣли въ почтительномъ разстояніи на траву. Я еще болѣе заинтересовался ими и началъ внимательно осматривать ихъ. Одному изъ нихъ было на видъ лѣтъ четырнадцать, а другому лѣтъ двѣнадцать. Первый былъ одѣтъ въ чистую бѣлую рубашку, подпоясанную вязаннымъ пояскомъ и синіе широкіе штаны. На кругломъ, здоровомъ лицѣ его видна была веселость, беззаботность. Большіе, свѣтлые глаза его упорно смотрѣли на меня. Второй, съ худымъ нѣсколько грустнымъ лицомъ, одѣтъ былъ хуже перваго; на немъ была старая цвѣтная рубаха и порванные штаны, заплатанные въ иныхъ мѣстахъ большими заплатками, инаго цвѣта, какого были штаны. Бѣлокурая голова его была покрыта разорваннымъ картузомъ.

— Здравствуйте, что вамъ надо? спросилъ я, пристально всматриваясь въ ихъ загорѣлыя лица.

Они посмотрѣли другъ на друга, усмѣхнулись и продолжали молчать.

— Чего вы пришли сюда? спросилъ я снова, стараясь какъ можно быть покойнѣй.

— Мы-то, заговорилъ старшій изъ нихъ, продолжая улыбаться, да такъ, выѣхали по рѣчкѣ поплавать, да покупаться... видимъ кто-то рыбу удить... ну... и приѣхали посмотреть.

— Вы сами откуда?

— Съ Масловки, знаешь, по рѣчкѣ отъ сюда верстъ пять будетъ, а теперъ пришли къ дѣду своему въ гости.

— Гдѣ-жъ это вашъ дѣдъ живетъ? удивленно спросилъ я.

— Вонъ на той сторонѣ въ лѣсу, на пасѣкѣ живетъ, сказалъ онъ, указывая на ту сторону, у него пасѣка большая, пчелъ на ней много, онъ тамъ цѣлое лѣто живетъ, за хлѣбомъ и то не ходитъ, мы ему носимъ. Такъ и живетъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ пора пчелъ прятать.

— Ты его не знаешь, Василиемъ его звать, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, не знаю. А старый онъ?

— Онъ то? У, у, ухъ какой старый; борода, волосы на головѣ бѣлые, бѣлые; но онъ добрый, не сердитый, не такой какъ дѣдушка Фадей, у нашего сосѣда, тотъ ни за что мальчишекъ за уши деретъ.

Мнѣ очень понравился этотъ мальчикъ, съ его простымъ непринужденнымъ разговоромъ, въ которомъ слышалось много хорошаго.

Другой мальчикъ все время сидѣлъ молча и не поднимая своей головы, долбилъ палочкой землю.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я разговорчиваго мальчика.

— Меня Сенькой, а вонъ его, указалъ онъ на своего товарища, Ванькой.

— Чего это Ванька все молчитъ, невольно поинтересовался я.

— Онъ всегда такой, замѣтилъ смѣясь Сенька, какъ мы одни, вотъ онъ и рассказываетъ, пѣсни поетъ, а при чужихъ людяхъ все молчитъ... Ванька, а Ванька, да ну скажи что-нибудь.

— Да, чтожъ я буду говорить, вымолвилъ онъ, волчкомъ поглядывая на меня своими маленькими глазами.

— А ты дѣдушку любишь, что на пасѣкѣ живетъ? спросилъ я его, чтобы вызвать его на разговоръ, часто къ нему ходишь?

— Люблю, каждый праздникъ съ Сенькой хожу, отвѣтилъ онъ не сразу, постепенно приподнимая голову.

— Его разъ дѣдъ отъ смерти спасъ, заговорилъ снова весело Сенька, Ванька помнишь, какъ дѣдъ тебя изъ Донца за волосы вытащилъ, обратился онъ къ нему, и беззаботно развалившись на мягкой травѣ, продолжалъ, кабы не дѣдъ, ловилъ бы онъ раковъ на днѣ. Мы это разъ поѣхали съ дѣдомъ вентера *) трусить; подѣхали къ одному, Ванька и по-

*) Сакъ для ловли рыбы.

тянись за палкой, да въ воду и шургануль, какъ ключъ по-шоль. Дѣдъ такъ и обмеръ, старый, старый вѣдъ онъ, скинулъ поскорѣй рубашку, да въ воду, насилу Ваньку тамъ за волосы поймалъ и вытащилъ. Мокрые все давай сушиться. Ванька съ перепуга какъ началъ ревѣть, какъ старая ка-кая баба, до самаго дома ревѣлъ, ашъ дѣдъ разсердился; „и не радъ, говоритъ, что тебя вытащилъ“, закончилъ Сенька и засмѣялся звонкимъ смѣхомъ.

— Врешь, я не съ перепуга ревѣлъ, а у меня здѣсь болѣло, тихо замѣтилъ Ванька, указывая рукой на грудь.

Сенька продолжалъ смѣяться, вѣроятно припомнивъ смѣшное лицо плачущаго Ваньки.

Какъ Ванька ни былъ серьезенъ и хмуръ, но веселый смѣхъ товарища заразилъ и его. Оба они начали смѣяться, поглядывая другъ на друга.

Во всей фигурѣ Сеньки, во всемъ выраженіи его лица замѣчалось столько веселости и игривости, что казалось онъ не зналъ скуки и всегда всемъ былъ доволенъ.

— Это вѣрно твой братъ? спросилъ я его, когда они немного успокоились.

— Нѣтъ, мы не братья... онъ чужой, только мы съ нимъ пріятели, все равно какъ братья живемъ, отвѣтилъ онъ съ разстановкой, причемъ лицо его приняло серьезное выраженіе и веселость пропала.

— Видишь, началъ онъ снова, онъ сирота, мать у него есть, въ работахъ у насъ живетъ, а отца у него нѣтъ. На мельницѣ раздавило его колесомъ... Они бѣдные были, какъ отецъ померъ, мать его и стала у насъ въ работахъ жить и его съ собой взяла. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ и сдѣлались пріятелями.

— Зимой въ школу вмѣстѣ ходимъ, учимся. Ванька басни знаетъ наизусть, дѣду всегда рассказываетъ. А какъ лѣто придетъ, добавилъ онъ веселымъ опять голосомъ, мы съ Ванькой, какъ праздникъ, сейчасъ къ дѣду на пасѣку, тамъ и живемъ.

— Чтожъ вы дѣлаете на пасѣкѣ?

— Какъ что. Дѣдъ насъ рыбу беретъ ловить, мы ему помогаемъ, сѣти ему плетемъ, верши съ лозы, а то за пчелами ходимъ. Какъ-то Ваньку пчелы покусали, такъ глазъ не видно было, засмѣявшись, прибавилъ онъ.

— А въ школу любите ходить?

— Любимъ. Школа у насъ большая, человѣкъ восемьдесятъ мальчиковъ учится; скамейки, столы у насъ полированные. Карты по стѣнамъ висятъ. Учитель у насъ хороший, добрый, по праздникамъ учить пѣсни пѣтъ. Мы съ Ванькой второй годъ ужъ учимся... подумавъ немного онъ тихо прибавилъ, вотъ нынѣшней весной чуть было бѣда у насъ не случилась...

— Какая? прервалъ я его. Мнѣ было очень пріятно слушать ихъ правдивые, несвязные разговоры, въ которыхъ выказывался ихъ умъ и добрыя, хорошія сердца.

— Да, чуть было Ванька отъ насъ не ушелъ, грустно продолжалъ онъ, мать его хотѣла изъ школы взять и отдать въ свинопасы, чтобы онъ что-нибудь зарабатывалъ, жалованье получалъ, да спасибо отецъ мой, да дѣдъ отговорили ее, а то ужъ было совсѣмъ сговорилась съ пастухомъ. А пастухъ сердитый, злой такой, да пьяный, Ванькѣ плохо-бъ у него было, да и школу всю что выучилъ забылъ бы. И мнѣ безъ него скучно было-бъ.

Я потянулся къ своимъ удочкамъ и онъ смолкъ. Одну изъ удочекъ начало трогать.

Поплавокъ на крайней удочкѣ, заброшенной у самага камыша, тихо едва замѣтно окунулся въ воду; потанцовавъ немного, онъ легъ на гладкую поверхность воды и какъ бы совершенно замеръ. Брала большая рыба, это видно было, какъ она трогала поплавокъ.

Я держалъ рукой удилище этой удочки и ждалъ только удобнаго момента, чтобы подсѣчь рыбу.

— Смотри, смотри, вдругъ прошепталъ Ванька, до этого все время молчавшій, беретъ вонъ, клюетъ, и онъ указалъ рукой на удочки.

— Сазанъ должно беретъ, тихо замѣтилъ Сенька.

— Нѣтъ, чебакъ (лещъ), развѣ не видишь, какъ положилъ, отвѣтилъ Ванька, указывая на поплавокъ.

Я сдѣлалъ имъ знакъ рукой, чтобы они молчали. Они смолкли.

Поплавокъ началъ снова шевелиться и приподниматься, потомъ, проплывъ немного въ сторону, сразу скрылся подъ водой.

Я дернулъ удочку и подсѣкъ рыбу. Рыба, сильно натянувъ шворку, бурлила воду, металась изъ стороны въ сторону, и не хотѣла выходить на поверхность воды.

Сенька и Ванька подскочили съ своихъ мѣстъ и начали суетиться самымъ невозможнымъ образомъ. Перебѣгали ежеминутно съ мѣста на мѣсто, выказывая свою радость хлопаньемъ въ ладоши и веселымъ крикомъ. Когда же рыба дѣлала особенно рѣзкіе повороты, приче́мъ уди́лище сгибалось въ дугу, они кричали, чуть не со слезами: „уйдетъ, порветъ шворку“. Вообще принимали такое живѣйшее участіе въ вытаскиваніи рыбы и такъ боялись, чтобы она не ушла, что мнѣ кажется, если бы рыба сорвалась, то они бы расплакались самыми горячими слезами.

Наконецъ, между спутанными удочками, на поверхности воды, показался золотистый сазанъ; онъ сильно билъ хвостомъ по водѣ, разбрасывая повсюду брызги. Чрезъ нѣскольکو секундъ, онъ былъ мною вытащенъ на траву, гдѣ сталъ биться, попрыгивая довольно высоко.

— Вотъ видишь, я говорилъ сазанъ, закричалъ радостно Сенька, стараясь удержать его руками.

— Это рыба, я ужъ думалъ сорвется, больно тянулъ, сказалъ весело Ванька и началъ какъ-то попрыгивать, вѣроятно отъ радости, около него.

Пока я распутывалъ удочки, запутавшіяся самымъ замысловатымъ образомъ, Ванька съ Сенькой возились, разсматривая ротъ, глаза, перья пойманнаго сазана и дѣлали свои собственныя замѣчанія.

— Ну, Сенька, сажай въ корзину его, сказалъ я, когда удочки снова были заброшены и уди́лища воткнуты въ берегъ. Сенька подошелъ ко мнѣ, держа подъ жабры сазана, и сталъ осторожно опускать его въ подставленную мною корзину.

— Тише, тише, кричалъ на него Ванька, смотри не выпусти. Эхъ рыба, прибавилъ онъ, когда корзина на веревочкѣ опущена была въ воду, удочки у тебя крѣпкія, ишь какого выдержали. Наши бы давно-бъ лопнули, сказалъ онъ Сенькѣ.

— А развѣ вы тоже удочками ловите? спросилъ я ихъ.

— Ловимъ, да теперь крючковъ нѣтъ, рыба всѣ пообѣла, не на что ловить, сказалъ грустно Ванька. Видно онъ большой былъ охотникъ до рыбной ловли.

— Еще какъ ловимъ. Вонъ его сомъ по Донцу таскалъ, припомнилъ Сенька и засмѣялся.

— Какъ таскалъ?

— Дѣдъ нашъ, началъ онъ, по Донцу переметы съ крючками ставить и здоровыхъ на нихъ рыбъ ловить, шукъ, судаковъ, сомовъ, во какихъ, при этомъ онъ развелъ руками, желая показать величину попадающейся рыбы. Разъ Ванька сѣлъ одинъ въ лодку и поѣхалъ посмотрѣть не попалось ли на переметъ чего. Подѣхалъ къ одному, смотреть веревочку одну натянуло и водить, водить во все стороны. Онъ веревочку отцѣпилъ и потащилъ, а тамъ на крючкѣ здоровый сомъ попался, гдѣ тамъ ему было вытащить. Сомъ поплылъ и лодка, маленькая была такая, за нимъ. Ванька въ лодкѣ сидитъ, да кричитъ, а веревочку боится изъ рукъ выпустить. Сомъ его тащилъ, тащилъ, какъ лошадь какая. Дѣдъ тутъ поблизости раковъ ловилъ, такъ догналъ его и выручилъ. Ну, и сомъ былъ здоровый, прездоровый, закончилъ онъ и приподнялся съ мѣста.

Мы все внимательно стали слѣдить за поплавками, въ надеждѣ еще поймать хорошую рыбу.

Но прошелъ часъ въ тщетныхъ ожиданіяхъ, поплавки не трогались съ мѣста.

Солнце, поднявшись высоко, начало припекать своими яркими лучами все сильнѣе и сильнѣе. Подулъ легонькій вѣтерокъ и зарябилъ поверхность рѣки маленькими волнами. Густые высокіе камыши заколыхались и зашумѣли своими длинными, сухими листьями, низко наклонившимися надъ водой. Множество разноцвѣтныхъ стрекозъ съ желтыми, синими и сѣрыми брюшками, порхая надъ моими поплавками, грѣлись на солнышкѣ и, уставши, садились на нихъ или на тоненькіе концы удилицъ. Большая зеленая лягушка выплыла изъ подъ-куста и, растопыривъ свои лапы, замертво лежала на водѣ. Стало жарко, и рыба, погулявъ утреннюю зорю, ушла въ глубь и перестала брать.

— Нѣтъ, видно ничего больше не будетъ, обратился я къ своимъ двумъ компаніонамъ.

Они мнѣ ничего не отвѣтили, развалившись важно на спинѣ, лежали покойно и смотрѣли въ ясное, синее небо, въ вышинѣ котораго плавно носились два коршүна, послѣ утренняго вкуснаго завтрака.

Я началъ понемногу собирать удочки.

— Куда же это ты, домой ужъ? спросилъ приподнимаясь Сенька.

— Да, пойду, жара стала, ничего не беретъ.

— Намъ тоже пора; дѣдъ должно насъ заждался. Ванька, крикнулъ онъ ему, ну, вставай, поѣдемъ домой.

Они оба встали и, дружески простившись со мной, пошли къ своей лодкѣ.

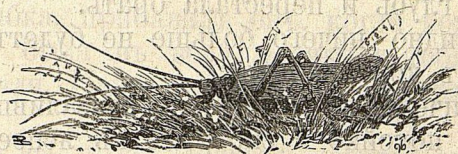
Быстро вскочивъ въ нее и оттолкнувшись веслами отъ берега, они тихо поплыли, оставляя позади себя сначала узенькую, потомъ расходящуюся полосу взволнованной рѣки.

На срединѣ, на самой глубинѣ, Сенька началъ быстро раздѣваться. Раздѣвшись онъ, не долго думая, прыгнулъ изъ лодки и вверхъ ногами полетѣлъ въ воду. Брызги фонтаномъ поднялись кверху; зашѣнилась и заволновалась вода въ томъ мѣстѣ, гдѣ окунулся Сенька и, скрывъ его подъ собой, стала расходиться волнистыми кругами, которые, чѣмъ дальше уходили, дѣлались все шире и шире. Ванька громко засмѣялся. Въ саженьяхъ пяти отъ лодки показалась мокрая голова Сеньки, и онъ, громко крича отъ удовольствія, размахивая руками, бодро плыль къ берегу. Я проводилъ ихъ глазами до тѣхъ поръ, пока они не скрылись за камышами и, взявъ удочки и корзину съ пойманнымъ сазаномъ, пошолъ домой.

Въ воздухѣ было жарко, и идти по открытому лугу, прямо на солнцѣ, было бы очень душно, если бы не легкій вѣтерокъ, набѣгавшій иногда, не уменьшалъ жары.

Съ небольшого озерца, мимо котораго я проходилъ, поднялись какъ-то не хотя, три кряковныя утки и, оглашая воздухъ своимъ кряканьемъ, тихо полетѣли на противоположный берегъ.

Николай Кувшинниковъ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.